

Т. И. АФАНАСЬЕВА

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3-ГО ЛИЦА
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIV ВЕКА***

Введение

Яркая языковая особенность, отличающая русские переводы XIV в., сделанные книжниками митрополита Киприана, — это частотное употребление местоимений **тѣ**, **та**, **то** в качестве личных. Таким образом они употребляются в тех случаях, когда указывают на только что упомянутое лицо или предмет, т. е. выполняют анафорическую функцию. В Евхологии Великой церкви¹ таких примеров очень много, в качестве иллюстрации приведем лишь несколько по рукописи ГИМ, Син. 900: **еже на каменѣ вѣры создавъ цркъвь свою блгнн. в тои исправи молвы наша** (55 об.), **Ѡрекосте ли сѧ днавола. даже до конца того възненавидите** (155), **словеснѣю снѣю паствѣ вкупѣ собравъ... незарочнѣ тѣю сблюди** (171), **спси князѧ наша... схранѣ тѣхъ подѣ кровомъ твоеѧ блгости** (172), **внегда хотѣть приводимѣ быти къ православноѣ вѣрѣ. поститисѧ тѣмъ днинѣ или еѣ** (196).

Подобные примеры можно найти в переводе Диатаксиса Филофея Коккина — уставе Божественной литургии, выполненном при Киприане [Афанасьева 2015: 173—186]: **въздоухъ же прѣимъ Ѡ рама дѣаконова. и показивъ того... покрываетъ с нимъ сѣаа** (ГИМ, Син. 601, л. 24), **гѣтъ сѣннѣкъ мѣтвоу входноу тѧи. тои же скончавшисѧ. гѣтъ дѣакви** (Vat. slav. 14, л. 127), а также в переводах самого митрополита: **земла оубо слѣжаци блдкѣ твоемѣ бжственомѣ повелѣннѣю лѣтнѣхъ изведе плодовъ нѣ твоею блгстию и росѣ временнѣю проситъ к тѣхъ возрастеннѣю** (канон «о гобзине плода» по списку РНБ, Соф. 837, л. 353 об.).

По нашим наблюдениям, употребление местоимения **тѣ** в анафорической функции распространено в произведениях Евфимия Тырновского.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант 14-04-00150а.

¹ О времени и месте данного перевода см. подробнее [Афанасьева 2014: 237—251].

Так, например, в Житии Иоанна Рыльского, написанном Евфимием², находим немало таких употреблений: **въскорѣ къ рацѣ ст҃го притече и тѣплыми слѣзѣми тѣ обліавъ, весь црковныи съзва причѣтъ и въсѣ прѣдреченаа тѣмъ сказа, авне посла къ патрїархоу своему курь Василїоу с҃щїоу томоу въ тръновѣ... писанїе велѣщее сице.** Исследования славянских переводов литургий показали, что редакция Евфимия и редакция митрополита Киприана, единомышленника и последователя тырновского патриарха, очень близки друг другу по переводческим установкам. Так, в области употребления местоимения 3-го лица в обеих редакциях многочисленны случаи постановки местоимения **тѣи, тѣа, тѣ** на месте ***и, *ѣ, ѣ** в древних и в Афонской редакциях [Афанасьева 2004: 63—64].

На наш взгляд, эта языковая особенность имеет южнославянское происхождение и заимствуется русскими переводчиками в конце XIV в. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать данное явление и показать, как оно адаптируется в русских переводах XIV в.

1. Местоимение *тѣ* в старославянском и древнерусском языке XI—XIV вв.

В старославянских памятниках существовала троичная (тернарная) система указательных местоимений *сѣ, тѣ, онѣ*, и они совмещали в себе две основные функции — заместительную (анафорическую) и указательную (дейктическую). Местоимения *сѣ* и *онѣ* в большей степени были указательными и указывали на ближний и дальний предмет соответственно. Местоимение *тѣ* было противопоставлено местоимению *сѣ*, в его семантике подчеркивалась не удаленность предмета как таковая, а скорее известность, определенность предмета [Вайан 1952: 169]. В заместительной функции чаще всего употреблялось местоимение **јѣ*, однако в разных памятниках соотношение местоименных субстантивов *тѣ, сѣ, онѣ* и **јѣ* было различным. Подробное исследование этого соотношения было проведено Й. Курцем, однако в сферу его интересов входило употребление указательных местоимений в атрибутивной функции, поскольку он исследовал механизмы формирования постпозитивного артикля и ставил перед собой вопрос, имеется ли в старославянских памятниках категория определенности и можно ли найти в них местоимения в функции артикля. В результате проведенного им исследования было выяснено, что в старославянском языке *тѣ* имеет подчеркивающее значение, выступает при отсылке к уже упомянутому, а также в большей степени носит экспрессивный оттенок [Курц 1963: 121—182].

В данном исследовании нас будет интересовать употребление местоимений вместо существительных, т. е. в заместительной функции. Здесь в

² Примеры цитируются по изданию Е. Калужняцкого [Калужняцки 2010: 106—107].

нейтральном значении преобладает местоимение *jь, но наряду с ним используются и указательные местоимения. Так, в старославянских памятниках местоимение *тъ* имело самый широкий спектр значений и могло соответствовать всем греческим указательным местоимениям *αὐτός*, *οὗτός* и *ἐκεῖνος*, тогда как *сь* чаще всего соотносится с *οὗτός*, а *онь* — с *ἐκεῖνος* [Минчева 1987: 33]. По большей части, когда местоимение *тъ* выступает в функции замещения, оно имеет указательно-заместительные оттенки значения: 1) указывает на то, о чем недавно говорилось (**благени плачѣщенъ ко ти оутѣшатъся**), 2) указывает на непосредственно предшествующий член предложения (**творѣщен во зъло ти сжтъ страждѣщенъ зълаѣ**), 3) выступает как коррелятивное местоимение в придаточном предложении (**иже ма сътвори цѣла тъ мнѣ рече**) [Večerka 1993: 52—55].

Тем не менее, по памятникам соотношения местоимения *тъ* с греческими местоимениями представляют довольно пеструю картину. Так, в рукописях Евангелия именно *тъ* имеет самые разнообразные соотношения с греческими местоимениями; более того, славянские местоимения, соответствующие одному греческому, могут иметь разные варианты по спискам. В соответствии с *ἐκεῖνος* *тъ* частотно в атрибутивной позиции: **ѿ часа того, из града того, до дне того**. В заместительной функции оно по большей части употребляется в соответствии с *αὐτός* и *οὗτός*: **ен глѣо вамъ того оубоитеса** (Лк. 12:5 *τούτων*), **тъ есть волен въ црствни нѣнѣмъ** (Мф. 18:4 *οὗτός*), и **посла того к ним** (Мк. 12:6 *αὐτόν*), и **тому единому послужниши** (Лк. 4:8 *αὐτῷ*), **благени смѣрени дѣхомъ яко тѣхъ есть црствие нѣснок** (Мф. 5:3 *αὐτῶν*), **пять притворъ имѣщихъ в тѣхъ лежаше** (Ин. 5:2 *ἐν ταύταις*). Случаи употребления в соответствии с *ἐκεῖνος* единичны: **пакн посла к нимъ дрѹгого раба и того каменнемъ по главѣ бивше...** (Мк. 12:4 *ἐκεῖνον*), **они же и того бивше...** (Лк. 20:11 *ἐκεῖνον*).

Только в именительном падеже регулярно выдерживается соответствие с *αὐτός*: **тъ во спасетъ люди своа** (Мф. 1:21 *αὐτός*), **тъ вы крститъ доухомъ стѣимъ и огнемъ** (Мф. 3:11 *αὐτός*), **тъ недѣгы наша приатъ и волезни понесе** (Мф. 8:17 *αὐτός*), **тъ съпааше** (Мф. 8:24 *αὐτός*). Это связано с тем, что в греческом языке местоимение *αὐτός* употреблялось в нейтральном значении лишь в косвенных падежах, в именительном падеже местоимение опускалось, а если оно было употреблено, то имело выделительное, подчеркивающее значение.

В Супрасльской рукописи соотношение *тъ* с греческим оригиналом было несколько иным. По нашим подсчетам, местоимение *тъ* в заместительной функции чаще соотносится с греческим *οὗτός*, хотя единичные случаи с *αὐτός* и *ἐκεῖνος* встречаются. Так, по результатам исследования 1-го тома издания этого памятника [Супр. 1982]³ в соответствии с *οὗτός* *тъ* встречается в четыре раза чаще, чем с *αὐτός*, и во столько же раз чаще, чем

³ В качестве поискового механизма использовался интернет-портал Манускрипт: http://mns.udsu.ru/mns/main?p_text=85179364.

с ἐκεῖνος. Кроме того, именно в Супрасльской рукописи местоимение *тъ* нередко выступает в функции постпозитивного артикля [Минчева 1987: 39]. Нам представляется, что в выборе *тъ*, *сь*, *онъ* греческий текст не оказывал решающего влияния. Видимо, выбор между местоимением *тъ* и *сь* диктовался нормами славянского языка, и нормы восточноболгарские, представленные в Супрасльской рукописи, заметно отличались от норм, представленных в старославянских евангелиях.

Ранние древнерусские памятники, видимо, унаследовали троичную систему указательных местоимений от старославянского языка, и в некоторых древнерусских памятниках она используется. Так, в Житии Феодосия Печерского, например, есть немало контекстов, где местоимение **тѣ** указывает на уже известное и только что упомянутое лицо⁴: **Таче же како и минуша мѣ дънии дѣтицю, крщениемъ того осваѣтиша** (27 об.); **они же видѣвъше отрока простоту и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти** (31). В древнерусском языке все три местоимения могли выполнять роль семантического 3-го лица, примеры таких употреблений имеются во многих памятниках Киевского периода: в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского, Студийском уставе, в Чудесах св. Николая [ДРГ 1995: 369]. Однако вопрос о том, чем объясняется выбор конкретного местоимения, остается открытым и требует изучения по целому ряду памятников. На сегодняшний день проведено исследование только Русской Правды, где, по данным Т. А. Сумниковой, в качестве основного замещающего субстантива выступает местоимение **ѣь*. В результате подсчетов было выяснено, что на 149 случаев употребления местоимения **ѣь* приходится 14 случаев местоимения **тѣ**. Значения указательных местоимений, по мнению Сумниковой, в заместительной функции нейтрализуются, и они выступают практически как синонимы, т. е. имеет место семантически нейтральная анафора [Там же: 372—373].

В среднеболгарский период местоимения **тѣ**, **та**, **то** начинают употребляться в членной форме **тони** (из **тѣи**), **тѣа** (вм. древней **таа**, получившейся в результате влияния местоимения **сѣа**) и **тоѣ**. Так, новые формы известны в Дубровницкой грамоте 1230 г., Берлинском сборнике, Врачанском евангелии [Харалампиев 2001: 109—110]. В продукции Тырновской книжной школы членные формы **тони**, **тѣа**, **тоѣ** уже носят регулярный характер [Иванова-Мирчева 1974: 203]. Употребление местоимения *тони* в анафорической функции в среднеболгарских памятниках не изучалось, поэтому вопрос, сохраняется ли тернарная система местоимений 3-го лица или она заменяется бинарной, еще ждет своего исследователя. Однако наши наблюдения над переводами Евфимия Тырновского и митрополита Киприана позволяют предположить, что в восточноболгарской письменности XIV века еще использовалась тернарная система указательных местоимений. Тернарная система сохранилась лишь в некоторых современных славянских

⁴ Примеры приводятся по изданию [Успенский сборник 1971: 73, 80].

языках, причем она характеризуется яркой тенденцией к сведению трехчленной системы в двучленную, — это чешский язык (к нему близка система указательных местоимений словацкого, верхнелужицкого и нижнелужицкого языков) и сербский (к нему близка система местоимений македонского языка) [Кржижкова 1972: 144—153].

2. Местоимения **тѣ, та, то** в русском переводе Евхология Великой церкви

В данном разделе мы проследим употребление местоимений **тѣ, та, то** в анафорической функции в соответствии с греческим местоимением $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\alpha\upsilon\tau\eta$, $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ в русских переводах XIV в. Материалом для исследования был выбран Евхологий Великой церкви, переведенный русскими книжниками при митрополите Киприане, поскольку он является самым большим по объему русским переводом конца XIV века и в нем гораздо отчетливее, чем в других, видно, в каких падежах новая норма проявляется интенсивнее, в каких предпочитается старая. Отметим также, что старая норма употребления анафорических местоимений от **jь* продолжает использоваться в переводе и конкурирует с новой. Исследование проводилось на материале списка ГИМ, Син. 900 начала XV в., поскольку он полнее древнейшего списка ГИМ, Син. 675 конца XIV в., греческие параллели там, где они необходимы, приводятся по изданию М. Арранца [Арранц 2003].

Евхологий Великой церкви представляет собой собрание церковных служб, совершаемых священником и дьяконом, большую часть которых составляют молитвы. По своей структуре молитвы — это тексты, лишенные нарратива и имеющие в своем составе восхваления Бога и просьбы к Богу, для выражения которых используются глаголы во втором лице единственного числа и в первом лице множественного числа. В таких текстах формы местоимений третьего лица присутствуют по большей части в косвенных падежах. Нарративные тексты содержатся в рубриках Евхология — пространных богослужебных указаниях о том, в какой последовательности нужно совершать ту или иную службу.

Именительный падеж

В нарративном тексте личное местоимение в именительном падеже как в греческом, так и в церковнославянском языке, как правило, опускалось, а если оно употреблялось, то имело усилительное значение. Употребление местоимения мужского рода **тѣи** в соответствии с греческим $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ встречается только в нарративных пассажах, и таких случаев только два: **но бѣ творить такоже хощеть и всакому блгому и лѣкавому виновенъ тѣи естъ.** 238 об; и **надъ всѣми сими проклиная бога моамедова. ѡ немже глеть како тѣи естъ бѣ единъ** 241. Во множественном числе 4 раза встречается форма **тѣи**: **отрываемъ же трапезѣ съ ангимистѣми. тѣи ѿ сѣнникъ**

оубо авие прелагаеми бывають на ч(с)тъномъ мѣстѣ (44 об.); и въ прѣдвѣи поминати сѣхъ пастырен и оучитель нашихъ... како и тии тѣ прославиша (132 об.), Проклинаю оубо тако речесѣ. еже паче сихъ мудроствующи(х)... паче же какоже тии владословать (200 об.), всѣ терплю ради избранны(х) да и тии спснїе получаютъ (288).

Местоимение онъ, она оно в тексте почти не отмечено. Лишь форма мн. числа они встретилась дважды: они же глѣють. Ѡрекохомсѣ (л. 153) — λέγουσιν Ἀεταζάμεθα; они же Ѡвѣщавають. счетахомсѣ (л. 154) — λέγουσι Συνεταζάμεθα. Данные формы употребляются, как видно из примеров, для передачи подлежащего, опущенного в греческом предложении.

В молитвах в форме именительного падежа употребляется местоимение самъ (98) / сами (3), имеющее усилительное значение, например: самъ члвкѣлюбче ц(с)рю и во всемъ бл҃гнн оудовли насъ въ множествѣ щедротъ твоихъ (10 об.) — αὐτὸς φιλόνηρωπε Βασιλεῦ καὶ κατὰ πάντα ἀγαθὲ ἰκάνωσον ἡμᾶς ἐν τῷ πλήθει τῶν οἰκτιρμῶν σου; самъ бесмртне и великодаровитыи ц(с)рю. помани щедроты твоя (39) — αὐτὸς ἀθάνατε καὶ μεγαλόδωρε Βασιλεῦ μνήσθητι τῶν οἰκτιρμῶν σου; самъ и ннѣ низпосли бл҃гть сѣго тї дха. (41 об.) — αὐτὸς καὶ νῦν κατὰπεμψον τὴν χάριν τοῦ ἁγίου σου Πνεύματος. В древних редакциях служебника в подобных контекстах употреблялось личное местоимение ты, то есть передавалось контекстуальное значение, получавшееся за счет того, что сказуемое стояло в повелительном наклонении во втором лице (оудовли, помани, низпосли и под.). Замена ты на самъ — это последовательная инновация XIV века, характерная также для Афонской и Киприановской редакций литургий.

Контексты с множественным числом крайне редки в молитвах. В Евхологии Великой церкви данные формы встречаются в чинах принятия в православие: сами прочата вѣсте како схраните (155 об.) — αὐτοὶ λοιπὸν οἴδατε πῶς φυλάττετε; шрѣтхоумсѣ и сами грѣшни (278) — εὐρέθημεν καὶ αὐτοὶ ἁμαρτωλοί.

Таким образом, в молитвенных контекстах предпочтительно местоимение сам/сами, имеющее выделительное значение, в нарративных превалируют местоимения тон и тии, однако есть ряд пассажей, где встречается форма они на месте опущенного подлежащего в греческом.

Родительный и винительный падежи

Развитие генетивно-аккузативных отношений у личных и неличных местоимений привело к тому, что древняя форма винительного падежа местоимения 3-го лица мужского рода и, а также форма множественного числа мужского и женского родов ѡ вышли из употребления и в изучаемом тексте не встречаются. Вместо них представлены формы родительного падежа, а винительный падеж сохраняется только у местоимений женского рода единственного числа и у местоимений среднего рода. Генетивные формы в изучаемом тексте употребляются для замещения как одушевленных, так и неодушевленных существительных.

Употребление местоимений мужского рода **того/его** в соответствии с αὐτός можно разделить на две большие группы — в функции несогласованного определения и в функции дополнения, как прямого, так и косвенного. Наши наблюдения показывают, что форма **того** чаще встречается в переводе во всех значениях, она зафиксирована 175 раз, тогда как форма **его** — 143 раза. В функции прямого дополнения заметно доминирует форма **того**, таких форм насчитывается 114, например: **приними раба своего имѣркъ... и сподоби того (197), паки ицѣлѣѣа брата нашего болашаго... ицѣлѣи того (118 об.), ннѣ стѣиць к западомъ диволъ... да ѿвергъшесѣа того и дунѣвше, еже на того въспримѣте брань (152)**; в функции определения она зафиксирована 61 раз, например: **по заповѣдемъ того жительства (144), въ среднемъ того мѣстѣ (54 об.), еже на землю того съ нѣсъ пришествиѣа (134 об.)**.

В функции определения чаще употребляется форма **его** (114 раз): **безпакостны съхранѣа. ѡснованиѣа его (30), и сѣды его расхитивъ (94), ѡгради входъ и сходы его (106)**. Как дополнение она встречается в 29 случаях: **свѣуди его (царя) даже до скончаниѣа вѣка неподвижна (40); призри на раба твоего... оутверди его тако на крѣпкомъ камени (93), ицѣлѣи раба твоего... и жживотвори его по твоемѣу оугодию (99 об.)**.

Винительный среднего рода ед. числа чаще всего представлен формой **то** (14 раз), например: **аще ли же во инъ ссѣдъ празденъ впадетъ что скверно достѣиць то измыти (102), писаниѣ свершисѣа. вѣдѣка то на нѣсѣхъ имѣеть (154)**. Форма **е** встретилаь только один раз, и она не имеет соответствия в греческом оригинале: **аще оубо кто васъ имѣеть что диволѣ въ дѣи да привержеть е томѣ (151) — προστριψάτω αὐτόν**.

Что касается варьирования местоимений женского рода **тоѡ/ѡа**, то наблюдается противоположная картина. Здесь доминирует старая форма **ѡа**, она отмечена в 22 случаях, а форма **тоѡ** отмечена только в пяти. При этом форма **тоѡ** в качестве несогласованного определения не встречается, она употребляется только в функции дополнения: **празнѣющи^х ѡбновлениѣ сеѣа стѣѣа црѣвѣ и ради тоѡа перстное тѣло наше съ дѣшамѣ... свершиль еси (63 об.), ѿлагающи^х оубо сворнѣю црѣвѣ... разумѣющи^х вмѣсто тоѡа своѡа ѡсобнаѣ свориѣа (206)**.

Форма **ѡа** в функции определения употреблена 7 раз: **и оукраси еѡа главѣу красотѣю тѣбѣ блгооугодною (99); и оутверди тварь оутѡли зываниѣа еѡа (119); възлагаеть на главѣу еѡа (188 об.)**.

В 15 случаях **ѡа** является прямым и косвенным дополнением. Косвенное дополнение встретилоь 4 раза, например: **пригнѣтають рѣкѣми стѣю трапезѣ... кадит окрест еѡа (59), еже ѿ неѡа (воды) почерпающи^{мъ} питие нескверно (102), въ еже не погниѣти ѿ неѡа (от паствы) единому ѡвчати (171)**.

В переводе Евхология Великой церкви в качестве прямого дополнения встречается форма **ѡа**, которая употребляется вместо древней формы винительного падежа **ю**. В тексте встретилоь 4 таких случая, и они по большей

части не связаны с категорией одушевленности существительного, которое они замещают: **᾿πιϋστι εἰα** (дочь) **такъ зоветь въ слѣдъ насъ** (279) — ἀλόλυτον αὐτήν; и **проливаа εἰα** (воду) **на все лице земное** (193) — καὶ ἐκχέων αὐτό; и **просвѣти εἰα** (душу) и **настави на всѣщние х̄а твоего** (219 об.) — καὶ φώτισον αὐτήν; приводима **бываетъ ц(с̄)рица препоситы и поставляютъ εἰα прѣ^а патриархомъ** (188) — παραστῶσιν αὐτήν. В одном случае форма **εἰα** соответствует греческому местоимению αὐτή: **по^адержитъ εἰα** (трапезу, л. 31 об.) — ἀνέχει ταύτην. Замена форм винительного падежа женского рода родительным происходила, видимо, под влиянием этого же процесса в местоимениях мужского рода, но протекала не так интенсивно. Данное явление было свойственно древнерусскому языку, где замена неличных местоимений винительного падежа родительным наблюдается в памятниках XII—XIII вв. Правда, случаев таких замен зафиксировано немного, но древнейшие из них содержатся в Успенском сборнике: **сздавъ еѣ** (церковь)... **прѣстависа** [ДРГ 1995: 355]. Регулярные же замены винительного падежа на родительный у местоимений женского рода встречаются в деловой письменности с конца XIV в.: в грамоте Олега Рязанского Дмитрию Донскому и в Двинской грамоте XV в. [Борковский, Кузнецов 1963: 222]. Таким образом, наряду с южнославянской языковой нормой в тексте перевода представлены и живые русские формы местоимений.

В винительном падеже женского рода ед. числа конкурируют варианты **түю/ю**, причем новая форма заметно вытесняет старую. Замена старославянской формы **тѣ** на членную форму **тѣж** происходит в среднеболгарских памятниках XIII—XIV вв. под влиянием местоимения **сѣа/сѣж**: она встречается, например, в Берлинском сборнике начала XIV в. [Берлински сборник 2006: 398]. Однако в переводе Евхология Великой церкви употреблен другой вариант этого местоимения — **түю**, видимо, образованный от формы **таа**. Форма **түю** зафиксирована в памятнике 28 раз: **помазавъ түю** (312), **възлагають түю на столпы** (35 об.), **сгибають түю надвое** (58). Старая форма **ю** сохранена в 4 случаях: **се слышахомъ ю въ ефраѣѣ**, **верѣтохомъ ю в полих** (45), **насади ю** (лозу, 106).

Во множественном числе наблюдаем следующие закономерности: местоимение **тѣхъ** чаще употреблено в объектном значении (53), чем в функции определения (27). Местоимение **ихъ**, наоборот, превалирует в качестве притяжательного местоимения (47), в функции объекта встречается 13 раз.

Винительный падеж среднего рода мн. числа в переводе встречается только два раза и только в древней форме **ѣа**: **и нова платна, срѣзүемы бываю^т надробно. и по скончании млтвы. раздаеть ѣа стѣль всѣмъ сүщимъ въ ѡтари** (67 об.), **въздари ѣа** (т. е. **благодательства** 118).

Таким образом, в родительном и винительном падежах употребляются как древние, так и новые формы. Интенсивность введения новых форм наблюдается у местоимений мужского рода, употребленных в качестве прямого дополнения.

Дательный падеж

Формы **тому/ему** распределяются в тексте с явным преобладанием **тому** (76 раз) над формой **ему** (23 раза). Во множественном числе также доминирует новая форма **тѣмъ** (56), в то время как старая форма **имъ** наблюдается в 28 случаях. Напротив, в женском роде древняя форма преобладает: 9 раз встретилась форма **ей**, 4 раза форма **тои**. Отметим, что новые формы превалируют в составе дательного самостоятельного и новых инфинитивных калек с предлогами (**по еже** + inf; **въ еже** + inf и под.), которые широко распространяются в языке переводов XIV века: **очистивъ воду сию... въ еже быти тои еже ѿ неѧ почерпающимъ питие нескверно** (102) — εἰς τὸ γενέσθαι αὐτὸ τοῖς ἐξ αὐτοῦ ἀρρομένοις εἰς πόσιν ἀρύταρον; **и по еже дѣнѣти тѣмъ** (крещаемым) **паки начинается** (151 об.) — μετὰ τὸ ἐμφοσῆσαι πάλιν ἄρχει. Напротив, формы дательного падежа от *и, *ѧ, κ крайне редко встречаются в новых синтаксических оборотах. Нам встретился только один пример: **въ еже помолитисѧ имъ** (людям) **на мѣстѣ семъ** (309 об.), в большинстве случаев они выражают дательный адресата: **даѧ имъ, покори ему, вѣдѧ ему**.

Творительный падеж

В единственном числе форма творительного падежа **тѣмъ/имъ** полностью омонимична форме дательного множественного. В результате отвердения конечных губных старая форма творительного **имъ** в переводе не встречается, а форма **тѣмъ** зафиксирована только 4 раза: две формы стоят в дательном падеже и две формы в творительном.

Форма **тѣмъ** в тексте доминирует в творительном падеже, а форма **имъ** используется только в значении дательного падежа. Формы женского рода **тою/ею** распределяются в переводе следующим образом: **тою** употребляется 7 раз, например: **иже водою нас наздавѣ... оугаси тою ражженныѧ вражнѧ стрѣлы** (136 об.), **очишти кроплением тою** (водой) (137), и **всего ма ѿсти всесвершена силою своею невидимою и дѣховною десницею. да... тою подати** (149 об.), **ересь снѧ състави сѧ... тою держими** (229 об.). Форма **ею** в тексте не встречается, она употребляется только в составе местоимения **иже**: **еюже**. Множественное число творительного падежа выражено в основном формой **тѣми**, она встретилась в тексте 9 раз, а форма **ими** — только 2 раза: **чюдодѣствовати ими** (55 об.) и **стѣжающе ими** (278).

Местный падеж

Варианты **томъ/(н)емъ** распределены в переводе одинаково: 7 форм **томъ** и 7 форм **немъ**, например: **служити в томъ** (в жертвеннике 122 об.), **нашихъ грѣховъ на томъ** (кресте) **пригвоздивъ** (167); и **дѣлающихъ и служительствующи(х) в немъ** (в храме) **оукрѣпи** (30), **еже нами на немъ** (на кресте) **свершаемыми** (180 об.). Форма женского рода **тои** встретилась только один раз: **в тои** (в церкви) **исправи молбы наша** (51 об.). Форма **ней** в данном тексте употребляется 7 раз: **и погасити сѣции в ней свѣтъ** (231),

створивыи землю и члѣка на неи (107). Во множественном числе форма тѣхъ встретилаь 4 раза, например: тако антимисы преже всѣишиа, рѣжемы бывають... а по еже всѣити. сѧ ничтоже ѿ си^х в тѣхъ дѣетьсѧ (57), ради свершаемыа в тѣхъ (в храмах) вж(с)твныа и бескровныа жертвы (120 об.), и по тѣхъ ·р· ги помилуи (297 об.). Форма ихъ употреблена 3 раза: да въ ихъ шествуемъ (143), еже в ихъ видимымъ же всѣмъ и невидимымъ (205 об.), живъ бѹдетъ въ ихъ (210).

Выводы

Активное употребление местоимений тѣ, та, то в заместительной функции в русских переводах киприановского времени, на наш взгляд, можно связать с тем, что в церковнославянском языке XIV века в качестве нормы сохраняется старославянская тернарная система указательных местоимений, где местоимение тѣ указывало на уже известный, только что упомянутый предмет или лицо. Видимо, эта норма использовалась в восточноболгарских тырновских памятниках письменности и не была характерна для афонских переводов. Наблюдение над употреблением местоимений в анафорической функции позволяет нам сделать вывод о том, что в русском переводе Евхология Великой церкви активно используются местоимения тѣ, та, то в большинстве падежных форм, хотя для живого древнерусского языка этого времени такая норма не была характерна. Представим присущую этому памятнику систему указательных местоимений, выполняющих функцию личных местоимений 3-го лица, в таблице:

падеж	единственное число	множественное число
Им.	самъ (98) тон (2)	сами (3) тии (4) они (2)
Род-Вин.	того (114 в знач. дополнения, 61 в знач. определения) тоа (6 в знач. дополнения, 5 в знач. определения) его (29 в знач. дополнения, 114 в знач. определения) еа (15 в знач. дополнения, 7 в знач. определения)	тѣхъ (53 в знач. дополнения, 27 в знач. определения) ихъ (13 в знач. дополнения, 47 в знач. определения)
Дат.	тому (76) / тон (4) ему (23) / ен (9)	тѣмъ (56) имъ (28)
Вин.	тѣ (0) / то (14) / тѣю (33) и (0) / е (1) / ю (5) / еа (5)	— а (0) / а (2)
Тв.	тѣмъ (10) / тою (7)	тѣми (19) ими (2)
Мест.	томъ (7) / тон (1) немъ (7) / неи (7)	тѣхъ (4) нихъ (5)

Как видно из статистических данных, местоимение **тъ, та, то** употребляется в качестве субститута чаще, чем традиционное для церковнославянского языка русского извода местоимение ***и, *га, ѿ**. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в творительном падеже замена старой формы новой проходит наиболее последовательно, здесь в единственном числе употребляется только новая норма — **тѣмъ, тою**, во множественном числе есть несколько исключений. Форма **имъ** стала основной в дательном падеже множественного числа, в творительном падеже она не употребляется.

Заметна определенная последовательность в распределении вариантов в родительном падеже мужского и среднего рода: здесь форма **того** функционирует в качестве дополнения, тогда как форма **его** употребляется в атрибутивном значении. Однако это распределение не распространяется на женский род, здесь мы наблюдаем обратную картину.

Интенсивность введения местоимения **тъ** проявляется больше всего в родительном и дательном падежах мужского рода — наиболее частотных формах в тексте. Такие формы заметно преобладают над остальными. В местном падеже интенсивность употребления местоимений **тъ, та, то** самая низкая: в мужском роде ед. числа старая и новая нормы равнозначны, а в женском роде ед. числа старая преобладает.

Наряду с употреблением новой нормы, в переводе встречаются региональные употребления. Так, форму **ѡ** в функции прямого дополнения вместо традиционной формы **ю** можно расценивать как русскую языковую норму XIV века. При этом форма **тоѡ** в этой функции ни разу не отмечена, в винительном падеже прямого объекта всегда выступает форма **тѣю**, не совпадающая со среднеболгарской нормативной формой **тыѡ**.

Отметим также, что все вариантные формы местоимений, относящихся к 3-му лицу, равномерно распределены по всему тексту, а не группируются на отдельных участках памятника. В связи с этим нельзя утверждать, что перевод осуществлялся русским и болгарским книжником, каждый из которых употреблял свойственные его языку местоимения в переводимом им фрагменте. Складывается впечатление, что переводчик (или переводчики) все же имели определенные установки в распределении старых и новых форм, однако допускали немало отступлений. Пестрота в употреблении новых и старых форм, введение региональных русских употреблений на всех уровнях языка является яркой характерной приметой данного перевода [Афанасьева 2014: 244—246]. С одной стороны, его можно квалифицировать как инновационный, открытый к новой, не свойственной русскому языку норме и тем самым отдаляющийся, отталкивающийся от национального языка. С другой стороны, обилие русизмов на всех уровнях языка, в том числе и в употреблении местоимений, относящихся к 3-му лицу, может характеризовать данный перевод как адаптирующий многие живые русские особенности своего времени.

Л и т е р а т у р а

Арранц 2003 — М. Арранц. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана // М. Арранц. Избранные сочинения по литургике. Т. III. М.; Рим, 2003.

Афанасьева 2004 — Т. И. Афанасьева. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык. СПб., 2004.

Афанасьева 2014 — Т. И. Афанасьева. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении № 1 (27). 2014. С. 237—251.

Афанасьева 2015 — Т. И. Афанасьева. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М., 2015.

Берлинский сборник 2006 — Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. Берлински сборник. София; Виена, 2006.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952

ДРГ 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Под ред. В. В. Иванова. М., 1995.

Иванова-Мирчева 1974 — Д. Иванова-Мирчева. Евфимий Тырновски, писател-творец на книжовния български език от Късното средновековие // Тырновска книжовна школа Т. I. София, 1974.

Калужняцки 2010 — Е. Калужняцки. Съчинения на Българския Патриарх Евтимий (1375—1393). Велико Търново, 2010. (Переиздание: E. Kalužniacki. Werke des Patriarches von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901, с предисловием Д. Кенанова).

Кржижкова 1972 — Е. Кржижкова. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 144—153.

Курц 1963 — Й. Курц. Проблема члена в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. М., 1963.

Минчева 1987 — А. Минчева. Старобългарският език в светлината на българистиката. София, 1987.

Супр. 1982 — **Супрасълски или Ретков сборник** / Под ред. Й. Заимов и М. Капалдо. Т. I. София, 1982.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Харалампиев 2001 — И. Харалампиев. Историческа граматика на български език. Търново, 2001.

Večerka 1993 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. T. II. Die Innere Satzstruktur. Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. XXXIV (XXVII/2). Freiburg, 1993.

Резюме

В статье исследуется вариантность местоимений **тъъ**, **та**, **то** и **и**, **ја**, **к** в заместительной функции в русском переводе Евхология Великой церкви конца XIV в. В качестве основного местоимения в большинстве падежных форм выступают ме-

стоимения **тъ, та, то**, которые, по мнению автора, являются отражением литературной нормы, свойственной Тырновской книжной школе, которая сохраняла тернарную систему указательных местоимений старославянского языка. Характерное для древнерусского языка XI—XIV вв. заместительное местоимение **его, емѹ** и под. употребляется в меньшем объеме, в некоторых случаях имеет место формальное распределение этих местоимений по разным падежам и числам.

Ключевые слова: тернарная и бинарная системы указательных местоимений, семантика местоимения *тъ*, употребление местоимения *тъ* в русских переводах XIV века

Получено 03.06.2016

TATIANA I. AFANASJEVA

**USE OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE FUNCTION
OF 3rd-PERSON PRONOUNS IN LATE 14th-CENTURY RUSSIAN TRANSLATIONS**

The article investigates the variation of demonstrative pronouns *tъ, ta, to* and *i, ja, je* in the function of the 3rd-person pronoun in the Russian translation of the Euchologion of the Great Church (late 14th cent.). The basic pronoun in most cases is *tъ, ta, to*, and this usage reflects the literary norm of the Tŭrnovo school, which preserved the Old Slavonic ternary system of demonstrative pronouns. The substitutive pronoun *i, ja, je*, which was common in Old Russian, is used less often. In some cases, there is a formal distribution of *tъ*- and *i*-pronouns in different cases and numbers.

Keywords: ternary and binary system of demonstrative pronouns, semantics of the pronoun *tъ*, the pronoun *tъ* in 14th-century Russian translations

Received on 03.06.2016